

Л. Меньщиков

**Охрана и революция. К
истории тайных
политических организаций,
существовавших во времена
самодержавия**

**Часть III. Редакция,
примечания и послесловие Я. Б.
Шумяцкого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

- Л11 **Л. Меньщиков**
Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия: Часть III. Редакция, примечания и послесловие Я. Б. Шумяцкого / Л. Меньщиков – М.: Книга по Требованию, 2017. – 281 с.

ISBN 978-5-519-51048-6

От автора: "Настоящие очерки основаны, главным образом, на моих личных воспоминаниях и на документах, которые во времена самодержавия были секретными, но в котором я, в силу своего особого служебного положения, имел свободный доступ. Прошлое русского освободительного движения было скрыто под двойной печатью запрета: с одной стороны, оборонительные конспирации революционных партий, загнанных в подполье: с другой - секреты охранной полиции царского правительства: перипетии борьбы этих двух сил, происходившей под знаком тайны и составляют материальную ткань истории русского революционного движения."

ISBN 978-5-519-51048-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В том же году я окончательно догадался, что Азеф — секретный сотрудник и что работает он среди социалистов-революционеров. 23-го сентября 1901 г. в Томске была арестована типография, в которой печатался орган этой партии «Революционная Россия»; дознание «по агентурным сообщениям» перевели в Москву; я редактировал дневник наблюдений по этому делу, подлежащий передаче в жандармское управление; филерскими проследками в нем был отмечен факт посещения наблюдаемым Барыковым дома Стахеева, где жил Азеф; это место дневника мне приказано было выпустить. Я сразу понял, почему это понадобилось.

После этого Азеф, как сказочный оборотень, появлялся в разных видах на поле сыскных перипетий.

Вот он — нелегальный Александр Самуйлович Раскин; он приезжает 5-го января 1903 года из Петербурга в Москву с курьерским поездом в вагоне 1-го класса; он посещает знакомых и проводит ночь в доме терпимости, — в самом дорогом, Стоецкого; за ним посланы лучшие филеры. Ирония судьбы! Шпионы-парии мерзнут на улице и стерегут аристократа-провокатора, справляющего ночную оргию.

Вот он «секретный сотрудник департамента полиции Е.Ф. Виноградов», доносящий, что «эмигрант Бурцев поручил покупать для него старые газеты и революционные издания учительнице Девальковской».

Вот он — «Филиппович», проверяющий, будто бы, с Виктором Черновым охранные посты во время женевского съезда социалистов-революционеров (1903 г.)¹.

Вот он — «Диканский» — участник заграничной конференции представителей российских оппозиционных групп (1904 г.), заседающий вместе с известными общественными деятелями Милюковым, Цилякусом и другими на правах партийного делегата.

Вот он — «Филипповский», неизвестный революционер, за которым филеры бросаются в догонку после того, как он видится 7-го июля 1905 г. с «беглой каторжанкой Якимовой» в Москве, в кафе Филиппова.

Вот он — «Валентин», имя которого, как соучастника, произносит в бреду Егор Сазонов, бросивший бомбу в Плеве.

Вот он — опять нелегальный Сергей Мелитонович Вазульский, совещающийся с террористами в Петербурге, Москве, Нижнем-Новгороде, Орле и Саратове.

¹ Положение одно из курьезнейших: революционеры, опасаясь, что участники совещания могут быть выяснены наружной слежкой, установили контр-наблюдение, а бдительность занятых этим делом людей поручили проверять, между прочим, провокатору — участнику съезда. Л. М.

Постепенно фигура ловкого провокатора выросла во весь свой рост и я разгадываю, наконец, Азефа во всех его личинах... (Приложение 1-е).

Послужной список Азефа

«Кто же был Азеф? Такой же сотрудник полиции, как и многие другие», сказал русский премьер-министр Столыпин в заседании Государственной Думы 12-го февраля 1909 года.

Каким же сотрудником был Азеф?

Я могу попытаться ответить на этот вопрос. Я был вообще в курсе агентурных сведений, касавшихся партии социалистов-революционеров. Я имел также возможность узнать многое об Азефе из разговоров с его ближайшими руководителями. Наконец, за границей в личных беседах с революционными деятелями, бывшими друзьями Азефа, я ознакомился и с обратной стороной медали. Впрочем, чтобы быть вполне беспристрастным, я постараюсь, рассказывая о шпионских подвигах Азефа, иметь в виду и официальное описание его заслуг, которое можно найти в деле бывшего директора департамента полиции Лопухина, осужденного, как известно, в 1909 году за то, что он способствовал разоблачению провокаторской роли Азефа.

Ростовский на-Дону мещанин (сын портного, Евно Азеф) прежде, чем найти свое истинное призвание, испробовал несколько профессий. Выйдя из 6-го класса гимназии, он сначала занялся репортерством, потом поступил секретарем к фабричному инспектору, затем сделался комиссионером, но запутался в денежных делах и предпочел уехать за границу. В 1893 году Азеф сделался студентом политехнического института в Карлсруэ и, одновременно — агентом департамента полиции; однако, донесения его того времени, по официальному признанию, «носили отрывочный и случайный характер» и значения не имели.

Настоящая провокаторская карьера Азефа началась лишь с 1899 г., когда он, получив заграничный диплом на звание электротехника, переезжает в Москву и, так сказать, для завершения образования, поступает в шпионскую «академию», как хвастливо называл Зубатов свое охранное отделение. Этот агентурных дел мастер сразу подметил таланты нового своего ученика и направил его в организацию, только что возникшую тогда и путавшую охрану своими террористическими тенденциями — в Северный союз социалистов-революционеров. Азеф быстро вошел в свою роль, сделался видным членом этой группы и через год уже имел возмож-

ность указать местонахождение ее тайной типографии. Но печатный станок в это время пребывал в бездействии, Зубатову же он был интересен лишь в работе, как груз, при помощи которого можно втянуть в топкое болото жандармских дознаний возможно большее число людей. «Новый приятель» сумел поправить дело: по его настоянию группа решила приступить к печатанию очередного номера журнала «Революционная Россия» и поручила Антиох-Вербицкой перевезти, ради вящей конспирации, типографские принадлежности за тысячу верст — в Томск (Прим. 1-е). За этой особой, разумеется, последовал отряд филеров; когда печатня начала функционировать, специально командированный в Сибирь жандармский офицер Спиридович произвел затем (в сентябре 1901 г.), с надлежащей помпой, «ликвидацию», причем обнаружил все, что требовалось для охраны: типографию «в действии» и соответствующее количество обвиняемых.

После томского триумфа шпионская репутация Азефа окончательно устанавливается и его признают полезным командировать за границу. С этого момента собственно, Азеф делается двуликим Янусом и заставляет друзей своих из обоих враждующих лагерей смеяться, в то время, когда им следовало бы плакать.

Казенный *curriculum vitae* разделяет всю последующую деятельность Азефа на два периода. До 1906 года он, живя за границей, постоянно «расширял свои партийные связи и, хотя сам не принадлежал в то время ни к какой определенной революционной организации, однако, успел близко сойтись с видными террористами М. Гоцем и Г. Гершуни и все, что узнавал от них, или из других источников, сообщал розыскным органам русского правительства». После 1906 года Азеф, по той же официальной версии, «вошел в качестве члена, в боевую организацию при центральном комитете партии социалистов-революционеров и с того момента получил возможность знать о всех террористических замыслах этого сообщества»¹.

Так пишется история, если на нее смотреть с одного берега Фонтанки²). Но департамент полиции всегда был преувеличенного мнения о своем всеведении. Дело обстояло несколько иначе и это можно считать установленным; при двухстороннем освещении события представляются совсем в другом виде.

¹ Разрядка моя. * Л. М.

² Фонтанка — местонахождение департамента полиции в Петербурге.

Живя сначала в Берлине, а затем в Париже, Азеф, действительно, «расширял свои связи» и дружился с видными революционерами. Но он делал и нечто большее, а именно: Азеф, как представитель северного района, образовал вместе с Гершуни и другими лицами, из различных местных групп, партию социалистов-революционеров и, как один из основателей этой организации, вошел в состав ее руководящего коллектива. Мало того, Азеф принял самое ближайшее, непосредственное участие в практической работе партии, сначала, как ловкий организатор транспортировки нелегальной литературы, а затем, после ареста Гершуни (1903 г.), как член-распорядитель боевой организации социалистов-революционеров. Таким образом, начиная с 1902 года, вся партийная жизнь социалистов-революционеров была на виду у Азефа, он знал всех ее более или менее выдающихся деятелей и имел сведения обо всех серьезнейших конспиративных предприятиях партии.

Но все, что Азеф «узнавал», он сообщал, будто бы, охране. Так ли это? В обвинительном акте по делу Лопухина имеется полный «перечень» услуг, оказанных царскому правительству Азефом за время пребывания его в рядах социалистов-революционеров.

Согласно вышеупомянутому «послужному списку», Азеф в первый период своей деятельности (до 1906 года): 1) обратил усиленное внимание розыскных органов на первостепенное значение террористов: Гоца, Гершуни, Савинкова, Мельникова, Вольского и Хилкова; 2) дал возможность арестовать революционеров: Крафта, Григорьева, Левита, Слетова, Селюк и Казанцева; 3) доставил сведения о конспиративных съездах в Германии, Амстердаме, Париже и Нижнем-Новгороде; 4) указал лиц, причастных к фабрикация разрывных снарядов и 5) предупредил покушение на жизнь министра Плеве, генерал-губернатора Кутайсова и Дурново, губернаторов Накашидзе и Унтербергера и градоначальника Медема. На первый взгляд, особенно человеку несведущему, этот перечень предательства Азефа может показаться довольно внушительным; в этом списке есть и заговорщики, и злоумышленники, и динамит; в нем, как говорится «все есть...», если только нет обмана».

Посмотрим.

Обратная сторона медали

Начнем с агентурных услуг первой категории. Азеф указывал; действительно, на многих революционеров. Важно, однако, знать, как он делал эти указания и к каким результатам они приводили.

Гоц, — старый революционер, — на которого еще в 80-х годах доносил все тот же Зубатов, — будучи эмигрантом, редактировал партийный орган социалистов-революционеров. Для того, чтобы знать его роль, не было надобности состоять членом Центрального Комитета партии — достаточно было жить за границей. И сама по себе азефовская аттестация не имела практического значения: Гоц, прикованный болезнью, вынужден был жить постоянно за границей (где и умер). Он находился все время, как принято выражаться, «в пределах недосягаемости» и, в силу этого, для розыска имел самое второстепенное значение.

Гершуни. Имя этого революционера общеизвестно. Его похороны в Париже собрали десятки тысяч интернациональной публики. Правительство начало сводить с ним счеты давно. В конце девяностых годов он находился в руках Зубатова, который тогда уже знал ему цену. Арестованный в Минске, Гершуни был доставлен в Москву «для увещаний». Целыми днями длились споры двух прирожденных конспираторов. Сколько казенного чаю было выпито! В конце концов Зубатов, с присущей ему самоуверенностью, вообразил, что он сумел убедить Гершуни в необходимости оставить революционную деятельность и отпустить его на свободу. Гершуни немедленно перешел на нелегальное положение. Вскоре последовали убийства министра внутренних дел Сипягина и губернатора Богдановича, приказавшего стрелять в бастовавших рабочих. Никто из опытных охранников не сомневался, что эти акты — дело рук Гершуни, но последний умел носить «шапку-невидимку»; полиция сбивалась с ног, разыскивая его; она им бредила.

Что же делал в это время Азеф, приятель Гершуни, знавший его главные планы? Глава боевиков отправляется в Россию для организации террора, — Азеф дает охране общее указание на «первостепенное значение» Гершуни. Последний живет в Киеве, Азеф знает об этом доподлинно и доносит, что Гершуни ютится где-то на юге. Гершуни находится в Уфе, Азеф сообщает об этом через неделю после того, как тот скрывается оттуда. И так все время. Одним словом Азеф, имея полную возможность дать розыскным органам случай обнаружить неуловимого террориста, ограничивался одними намеками, которые лишь сбивают с толку, ничем ему не помогая. Только случайно, благодаря предательству другого шпиона Розенберга, Гершуни арестуют в Киеве. Сосланный в бессрочную каторгу он умудряется выкатиться в бочке с капустой за черту крепких тюремных стен и через Японию и Америку возвращается

во Францию, к своим друзьям. Азеф снова получает возможность доносить о «первостепенном значении» Гершуни, но тот неожиданно умирает. (Прим. 2).

Савинков, как человек большой энергии, был известен полиции еще по доносу шпиона Гуровича. О том же, что Савинков — серьезный террорист, сообщил, действительно, Азеф тогда, когда они оба, после ареста Гершуни, встали во главе боевой организации. Савинков был тоже мечтой департамента полиции, который из-за него доходил до галлюцинаций. Так, например, когда весной 1905 года арестовали в Петербурге группу террористов, то правительственное сообщение с радостью оповестило, что в числе их был и Савинков; иллюзия была настолько велика, что матери Савинкова, узнавшей из газет об аресте сына, не верили, когда она заявила на свидании, что видит перед собой постороннее лицо. Так была осведомлена охранная полиция о местопребывании человека, выходившего с бомбой против министра Плеве и на великого князя Сергея.

Между тем, Азеф знал почти каждый шаг Савинкова — они совместно вырабатывали планы нападений, подбирали исполнителей. Азефу было известно, когда и по каким паспортам отправлялся Савинков с товарищами в свои террористические экспедиции. За неделю до убийства Плеве Азеф жил в Петербурге на конспиративной квартире Савинкова. В августе 1905 года Азеф был на совещаниях боевиков в г. Нижнем-Новгороде, тоже вместе с Савинковым. Когда Центральный Комитет партии социалистов-революционеров признал Татарова провокатором и Савинков поехал в Варшаву организовать акт революционной мести — Азеф, более других настаивавший на таком решении дела, знал и об этом предприятии.

— Савинков — очень опасный террорист, — говорил Азеф охране. «Где он, как его найти?», спрашивали Азефа. «Не знаю», отвечал шпионский оракул. Издевательства Азефа над своими полицейскими друзьями шли еще далее. В 1906 году петербургское охранное отделение, следившее за некоторыми террористами, взяло под наблюдение одного неlegalного; филеры опознали в нем Савинкова и последний был задержан в Севастополе. Правительство ликовало, петля палача была уже наготове, но Савинков вдруг исчезает из тюрьмы вместе с караульным офицером. Азеф, посылавший деньги на организацию побега, докладывает после этого «подробные и точные сведения о пособниках» — успевших тоже скрыться (Сулятицкий и Гронский).

Мельников, Вольский, Хилков. Эти лица, прежде всего, вовсе не имели «первостепенного» значения. Первый из

них — Мельников сделался известен, как нелегальный деятель, в 1902 году, когда он жил с подложным паспортом на имя Василевского в Харькове и подлежал аресту по розыску, никакого отношения к Азефу не имевшему; о том, что он террорист — охрана не могла не знать. Мельников серьезно изранил филера Александрова, когда тот, случайно встретившись с ним в Саратове, пытался его задержать. Так же случайно Мельников был арестован в Киеве другим московским сыщиком — Крашенинниковым, в связи с местными розысками. Вольский более чем достаточно отрекомендовал себя сам в письме, которое было перлюстрировано департаментом полиции; он выслежен и потом взят вследствие указаний кавказского прозюкатера Фудима (он же Петров). Хилков же просто остался при своих намерениях за границей, т. е. в условиях, при которых его «первостепенное значение» теряло для охраны всякое значение.

Надо отметить, однако, что вышеприведенный мною официальный список неполон: кроме перечисленных лиц, Азеф указывал, как мне известно, и на многих других. Он сообщал, например, что М. Левин и М. Витенберг, выехавшие из Германии в Россию, «думали устроить, под видом завода или конторы, притон для революционеров»; что Н. Замятин «заказал для Харькова транспорт нелегальной литературы и собирается поставить типографию»; что И. Дижур был другом Карповича, убившего министра Боголепова, и «хранит его завещание» и т. д. За этими революционерами в свое время велось длительное наблюдение, филеры гонялись за ними из города в город, слежка эта стоила больших денег, но ни к каким практическим результатам не привела.

Указывал еще Азеф на «бабушку» русской революции ¹⁾ — пропагандистку Брешко-Брешковскую, когда она находилась осенью 1905 года в Саратове. Он сообщил точно, где она укрывается (на даче у Ракитниковых), но поставил условие при этом: не арестовывать ее.

Разумеется, и в первый период деятельности Азефа бывали случаи, когда по его указанию производились аресты. В «послужном списке» приводится шесть таких отдельных услуг Азефа. С одной стороны это — мало для пятилетней шпионской работы, а с другой стороны — много, так как из этих шести «подвигов» некоторые являются сомнительными. Например, Азеф указал на Крафта, как на члена центрального комитета партии с.-р., но обнаружила этого революционера охрана самостоятельно — путем наблюдения за террористкой Клитчоглу, которую предал Горенберг. Далее,

¹⁾ Брешко-Брешковская впоследствии очутилась в лагере махровой контрреволюции и интервенции.

Азеф действительно сообщил о том, что Слетов едет в Россию организовать крестьян, но арест этого агитатора совсем не входил в его расчеты и случился «по недоразумению»: директор департамента полиции был в отъезде, а распорядившийся за него товарищ министра Дурново не признавал тонкостей сыскной игры и приказал взять Слетова, не считаясь с интересами агентуры. Наконец, в задержании Селюк Азеф уже был вовсе неповинен: страдая психическим расстройством, эта революционерка сама явилась в полицию, прося оградить ее от назойливых преследований сыщиков.

Относительно услуг Азефа третьей категории — об его отчетах, касавшихся революционных съездов, можно сказать, что эти доклады имели, если можно так выразиться, чисто академическое значение и для розыска материала почти не давали. В частности, сообщение о совещаниях в Германии отличается непонятной лживостью: во-первых, это был съезд заграничных организаций социалистов-революционеров, а не партии; во-вторых, вопрос о терроре на нем совсем не перешелся и, в-третьих, постановления о направлении террористической деятельности против царя не делались — наоборот, было признано необходимым пока его не трогать. Между тем, Азеф лично участвовал в этих совещаниях; на нем, как сообщал о том 10 августа 1903 года заведывавший парижской агентурой Ратаев, даже лежала забота об ограждении конспиративности собраний. Относительно международного социалистического конгресса в Амстердаме, достаточно полные сведения можно было почерпнуть и в заграничных газетах. Парижская конференция российских революционных и оппозиционных групп тоже, в виду присутствия на ней либералов, особой секретности не имела.

К числу важнейших услуг Азефа принадлежит, без сомнения, выдача революционных предприятий. Азеф ценился партией, как практик; на нем лежала техническая сторона дела. Вначале он заведывал транспортированием нелегальной литературы; ему, между прочим, принадлежит идея утилизации с этими целями патентованных холодильников, посылавшихся из-за границы в Россию. При таком положении Азефу очень легко было указать «розыскным органам» пути, которыми свободное печатное слово обходило пограничные рогатки. К удивлению, «послужной список» Азефа совсем не отмечает услуг его в этом направлении. Они были; я это знаю вот почему. В 1902 году я был командирован в Подольскую губ. для разработки агентурных сведений, суть которых (заимствуя из имеющегося у меня официального документа) заключалась в следующем. Революционеры

устроили в двух местах на Русинской границе переправу запрещенных книг, транспорты которых направляются из Лемберга (Австрия) в Каменец-Подольск, откуда некто, живший там под видом торговца маслом, рассылает их по России. Эти указания были сделаны Азефом. При наличии таких неопределенных данных, естественно, трудно было что-либо выяснить, и я, после трехнедельного пребывания в Каменец-Подольске, только мог доложить начальству, что город этот весьма живописный, маслом в нем торгуют, а контрабандисты в нем водятся, как во всякой местности, смежной с границей. Я уверен, что будь на моем месте настоящий охранник, он не сделал бы большего. Таковы были прорицания департаментской пифии. Между тем Азеф знал все детали дела, которое было поставлено Гершуни и Розенбаумом (Прим. 3) с его ведома. Азеф и в данном случае остался верен себе. Он поступил так, что полиция не имела права сказать, что им не было известно о новой конспиративной затее, а революционеры не могли его обвинить в провале их предприятия. Этой тактики, как мы увидим сейчас, Азеф держался и в случаях более серьезных, когда речь шла уже о человеческих жизнях. Я имею в виду подвиги Азефа, когда он «предупреждал» покушения на правительственных лиц и приготовления к этим актам. Химические лаборатории, переодетые заговорщики, разрывные снаряды — это настоящая атмосфера Азефа; здесь он является во всем своем адском великолепии.

Об услугах Азефа двух последних категорий стоит поговорить подробнее. К сожалению, казенный список летописи событий еще далее удаляется от действительности, как только на сцене появляются динамит и бомбы. Прежде всего в шпионский актив Азефа внесены дела, выдачу которых с полным правом могут оспаривать другие предатели. Это необходимо отметить. Надо быть ко всем справедливым.

«Подвиги» Азефа

Согласно перечню услуг, Азеф предотвратил «первое покушение на жизнь статс-секретаря Плеве». Казенный Нестор, составлявший «послужной список» Азефа, умолчал — какой, собственно, факт надлежит в данном случае иметь в виду. Мзлившая скромность! Не трудно догадаться, что речь идет об аресте в 1902 году, в Петербурге Гроссмана, при котором нашли кинжал и револьвер. Но этого нелегального взяли по наблюдению за Негрескул и Краковым, принадлежавшими к особому кружку известного эмигранта Бурцева, при котором

состоял специальный провокатор — Лев Бейтнер (Прим. 4). То обстоятельство, что человек имел оружие, ничего еще само по себе не доказывало и хотя на отобранном браунинге имелась надпись: «по делам твоим воздается тебе», но еще нужно было знать, по чьему адресу эта угроза была направлена. Но возможно, что осведомленность охраны о затаенных намерениях Гроссмана обуславливалась сообщениями «внутренних агентов», но кому принадлежит первенство в этом отношении — Азефу или Бейтнеру, — это вопрос, который премудрый Соломон разрешил бы, может быть, приказав разрубить Гроссмана на две половины, чтобы дать по равной части лакомой жертвы обоим шпионам.

Еще менее принадлежит Азефу заслуга второго спасения жизни покойного временщика: Серафиму Клитчоглу и Розенблюма с товарищами, замышлявших убить того же Плеве, выдал инженер Горенберг, секретный сотрудник жандармского офицера Сазонова. Известный же Зубатов выступил с азефовским предупреждением в то время, когда патент на это «открытие» был уже обеспечен за вышеупомянутым начальником петербургского охранного отделения. Сазонов, ставленник Зубатова, перехватил лавровый венок у своего учителя и с того времени между ними, как говорили в департаментских кругах, «пробежала черная кошка».

Кого же еще из высокопоставленных лиц спас Азеф? Вернемся к официальному списку; последний гласит: Азеф предупредил о готовившихся покушениях на жизнь иркутского генерал-губернатора графа Кутайсова и бакинского губернатора Накашидзе.

Директор департамента полиции Лопухин, спрошенный на суде по этому поводу, заявил, что он не помнит, получались ли от Азефа какие-либо сведения о заговорах на этих лиц. Я заведывал в то время розыскными переписками всего юго-восточного района, через меня шли все распоряжения охранного свойства, и я хорошо помню, что о безопасности графа Кутайсова вопрос возникал только дважды. Один раз к дому иркутского генерал-губернатора была подложена «бомба»; оказалось, что снаряд начинен мусором, а подбросил его полицейский агент Ицено (Приложение 2-е). Второй раз были получены агентурные сведения о том, что один еврей, по фамилии, если память мне не изменяет, Школьников должен совершить покушение на Кутайсова. Эти указания были даны, утверждаю положительно, не Азефом, а Татаровым¹. О спасении князя Накашидзе, виновника армяно-татарской резни, говорить совсем не приходится: как

¹ Николай Юрьев Татаров, секр. сотрудник д-та с 1904 г.